

Е.Л. Капустина

Ю.Ю. КАРПОВ: ПОЛЕ В ГОРАХ

1 сентября 2015 г. ушел из жизни выдающийся исследователь Кавказа Юрий Юрьевич Карпов. Для многих его труды стали открытием мира Кавказа, образцом научной деятельности, вдохновили на изучение этнографии региона. Для меня этот человек стал учителем не только в кавказоведении в целом, но и в полевой работе на Кавказе. Об этой стороне его деятельности я и хочу написать несколько строк.

Юрий Юрьевич, вне всякого сомнения, любил поле и умел полноценно использовать полевые материалы в своей работе. Первые полевые выезды он совершил в составе студенческих экспедиционных отрядов кафедры этнографии и антропологии исторического факультета ЛГУ — на Северный Кавказ, а затем в Западную и Восточную Сибирь. При этом с 1981 г. Ю.Ю. Карпов начинает выезжать в самостоятельные экспедиции, и с этого времени его любимым и основным полем станет горный Дагестан.

Ю.Ю. Карпов регулярно выезжал в Дагестан в 1980-х годах, главным образом работая в наиболее удаленных от центра и высокогорных районах республики (Цунтинском, Цумадинском, Тляртинском, Ахтынском, Рутульском). В эти районы и сейчас ведут опасные серпантины, тогда же некоторые села были весьма труднодоступны. Цунтинский район, который населяют около десятка малых андо-цезских народов, стал для него одним из самых любимых. О цезах соседи пренебрежительно говорили: «У них вши дверь ногой открывают», сами же они гордо именовали себя орлами — так было принято переводить этноним. И именно здесь произошло становление Ю.Ю. Карпова как полевика, был собран интереснейший, а порой и уникальный материал, который Юрий Юрьевич использовал в своих последующих работах, а также разработана идея мужских союзов, получившая развитие в его кандидатской диссертации, а затем и первой монографии [Карпов 1996]. Отдельно следует вспомнить открытие Ю.Ю. Карповым совместно

с А.И. Азаровым удивительного праздника *игби*, который в середине 1980-х отмечался только в селах Шаитли и Китури Цунтинского района и знаменовал собой канун середины зимы и поворот к весне. Результатами той зимней экспедиции были собранная уникальная коллекция масок, серия цветных слайдов и подробное описание праздника в дневниках, а также опубликованная статья в журнале «Советская этнография» [Карпов 1983], ставшая первым научным описанием этого праздничного комплекса, а позже — и другие статьи на эту тему [Карпов 1989]. Сейчас этот праздник уже не проводится в горах, а труды и коллекции Ю.Ю. Карпова — единственное, что осталось от этого явления дагестанской культуры.

В 1990-х и особенно в 2000-х годах Ю.Ю. Карпов значительно расширил ареал своей полевой деятельности в республике и собирал материал практически во всех ее частях, от Южного Дагестана до равнинных районов севера — Кизлярского, Бабаюртовского, Тарумовского и Ногайского. Многие из этих материалов вошли в его фундаментальную монографию «Взгляд на горцев. Взгляд с гор» — книгу, ставшую настольной и для исследователей Кавказа, и для многих его жителей [Карпов 2007]. На равнину Юрий Юрьевич спустился вместе со своими информантами, заинтересовавшись темой миграции из горных районов на плоскость и в города республики, а также в соседние регионы. Результатом этой плодотворной полевой работы стала еще одна книга, последняя из изданных им при жизни [Карпов, Капустина 2011].

Помимо работы в Дагестане, Ю.Ю. Карпов с 1980-х по 2010 г. проводил полевые исследования в горной Грузии, Чечне, Северной Осетии, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Ставропольском крае и Астраханской области.

Что касается его стиля работы в поле, то здесь Ю.Ю. Карпов как никто другой всерьез воспринял призыв Р.Ф. Итса, которого уважал как учителя и руководителя и человеческие качества которого высоко ценил, — «к людям ради людей». Внимательность и уважение не только к тому, что и как транслируют информанты, но и к ним самим — вот его профессиональное кредо. Ю.Ю. Карпов мог разговаривать с любым информантом на равных, был доброжелательным и участливым, но все же не впадал в панибратство. Интеллигентный

стиль работы подкупал людей, и разговоры даже с теми, кто изначально не был готов давать интервью, всегда удавались.

С 2004 по 2009 г. мне посчастливилось работать с ним в дагестанских экспедициях. И хотя в 2004 г. я была еще студенткой, первый раз оказавшейся на Кавказе, он, будучи уже опытным кавказоведом-полевиком, не навязывал мне своего стиля ведения интервью, не настаивал на исповедовании его теоретических позиций в работе. Единственное, что он требовал, — быть чуткой к той культуре, в которой приходится работать, уважать ее. По его мнению, важным было не только то, как и что ты спрашиваешь, как анализируешь сказанное и увиденное, но и то, как ты подаешь себя в исследуемом сообществе. Например, он советовал мне надевать длинные юбки и покрывать голову платком в горах, что действительно вызывало благодарность и симпатию со стороны многих сельчан и таким образом помогало выстраивать доверительные отношения с ними.

Ю.Ю. Карпов призывал не упускать из виду ничего, вплоть до мелочей, и бесконечно задавать себе вопросы: почему так, откуда это здесь? Часто мы обсуждали не только то, что непосредственно относилось к темам, с которыми мы работали, но и, казалось, бытовые мелочи. Например, бродя по улочкам Махачкалы, он обращал мое внимание на знаменитые пристройки к многоквартирным домам, а также на привычку махачкалинцев называть квартиру «секцией» и задавал сам себе вопрос, почему они так распространились тут, нет ли здесь связи с культурной спецификой региона, этнографическими реалиями сельского Дагестана. В результате он предложил в качестве интерпретации идею родства пристроек с системой организации традиционного горского селения, где дома, расположенные вплотную друг к другу, образуют единый монолит, где каждый дом является лишь частью общего архитектурного и социального элемента [Карпов 2007]. Увидеть в повседневности очередную культурную загадку, быть чутким ко всем мелочам, но при этом не ограничиваться смакованием незначительных деталей и через них переходить к более серьезным обобщениям — вот те качества, которые он ценил в исследователях и которыми, несомненно, обладал сам.

Юрию Юрьевичу было важно не только понять, как устроено общество и какие винтики какую роль играют в этом сложном ме-

ханизме. Не меньше он ценил возможность научиться любить эту культуру и, главным образом, людей, ее носителей. И он любил этот сложный регион, несмотря на то что в современной жизни республики ему не все нравилось. Но при этом он как профессионал умел отодвинуть личные эмоции на задний план и сосредоточиться на работе, понять и попытаться принять то, что по-человечески не очень импонировало, но привлекало его как исследователя. Ю.Ю. Карпов не переставал удивляться и восхищаться дагестанским обществом, его энергией и уникальным свойством — постоянно реактивно меняться и при этом сохранять многие присущие ему социокультурные особенности. Эта любовь и принятие были, безусловно, взаимны. Его любили и любят в горах, им восхищаются и ему благодарны за его труды и его искреннюю симпатию к Стране гор. Например, редактор районной цунтинской газеты И. Абдуллаев иногда перепечатывал материалы Ю.Ю. Карпова, касающиеся цезской этнографии. Одну из заметок он подписал «Ю. Карпов, друг дидойского¹ народа». Юрий Юрьевич, получив этот номер, хотя и улыбнулся пафосу заметки, но был тронут. На мой взгляд, это «звание» было для него одним из самых почетных.

После кончины Ю.Ю. Карпова мне еще долго звонили и писали многие коллеги, знакомые и информанты с Кавказа, особенно поражены были этим печальным известием дагестанцы. И все говорили слова благодарности ему, восхищаясь талантом ученого и достоинством человека, причем даже те, кто никогда лично не был знаком с Ю.Ю. Карповым. Благодарность и добрая память людей, о которых рассказал и им самим, и всем прочим Юрий Юрьевич Карпов, будут ему вечным памятником и вечным образцом для подражания — последующим поколениям исследователей.

Библиография

Карпов Ю.Ю. Общинный зимний праздник у цезов // СЭ. 1983. № 3. С. 114–119.

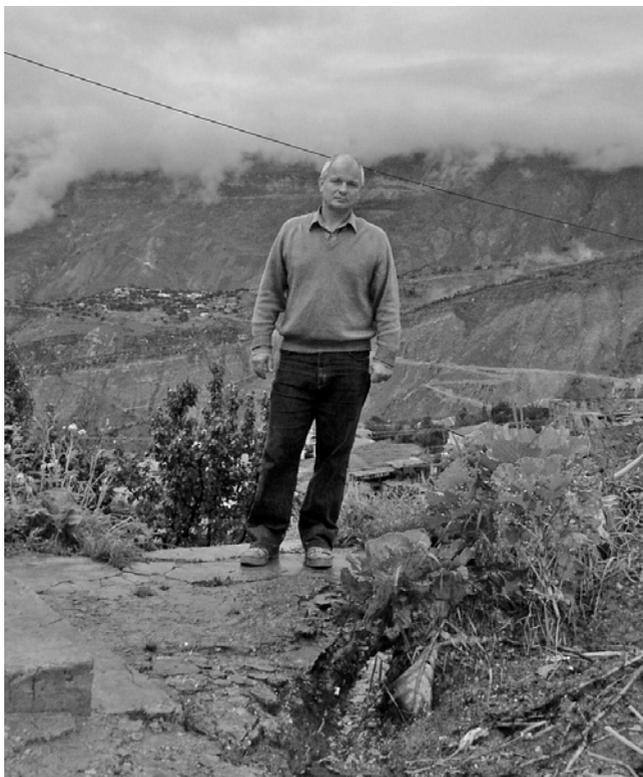
¹ Другое название цезов, получившее свое распространение в 1980–1990 гг. на волне «парада самоопределения» малых андо-цезских народов, до того времени официально причисляемых к аварцам.

Карпов Ю.Ю. Персонажи шаитлинского праздника игби: атрибуты костюмов и общественные функции // Памятники традиционно-бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Л.: Наука, 1989. (Сб. МАЭ. Т. 43). С. 133–152.

Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 312 с.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 656 с.

Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 438 с.

Ю.Ю. Карпов по дороге в с. Карата,
где он провел несколько полевых сезонов.
Ахвахский р-н, Республика Дагестан. 2005 г. Фото Е.Л. Капустиной

Ю.Ю. Карпов с информантами (семья Ахмеднабиевых).
С. Цебари, Цунтинский р-н, Республика Дагестан. 2005 г.
Фото Е.Л. Капустиной

Ю.Ю. Карпов, демонстрирующий костюм Квидили — одного
из персонажей цезского праздника середины зимы Игби. С. Китури,
Цунтинский р-н, Республика Дагестан. 2005 г. Фото Е.Л. Капустиной